

День мудрых людей

Повесть, новеллы, рассказы

Сергей Бичуцкий

12+

Сергей Марксович Бичуцкий

День мудрых людей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63612442

SelfPub; 2020

Аннотация

Из чего складывается человеческая жизнь? Понимает ли человек, что на самом деле для него дорого и важно? Прочитайте, и подумайте!

Сергей Бичуцкий

День мудрых людей

В оформлении обложки использована фотография с сайта: <https://pixabay.com/ru/photos/>

<https://pixabay.com/ru/photos/%D1%84%D0%B0%D0%BD>

<https://pixabay.com/ru/photos/%D1%82%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D1%8F->

<https://pixabay.com/ru/photos/%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD>

<https://pixabay.com/ru/photos/%D0%B8%D0%BA-%D1%81%D0%BA%D1%83%D0%BB>

<https://pixabay.com/ru/photos/%D1%8C%D0%BF>

<https://pixabay.com/ru/photos/%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0-2925250/> по лицензии ССО

Глава 1

Проснулся, но вставать не хотелось. Мысли лениво копошились, как дождевые черви в банке, а Фёдор Иваныч, подобно подслеповатому рыбаку, пытался заскорюзлыми непослушными пальцами выудить хоть какой-нибудь экземпляр, но спросонья и сам не понимал какой, а тот, непонятно какой, привычно ускользал.

Странная всё-таки штука – память. Как дровяник. А прожитые дни, как полешки, которые в одночасье, понятное дело когда, сторят, и развеет ветер жизни оставшуюся золу по белу свету. И что от нашей жизни останется? Пепелище и останется. Вроде бы всё понятно, а так ли это? Жизнь... .

Самый непознанный феномен в мире!

Если вы думаете, что именно об этом размышлял Фёдор Иваныч, ворочаясь в постели, то глубоко ошибаетесь! Такие мысли благоразумно обходили его стороной. Ну..., если только иногда. А так-то, что на пустое время тратить? Он был занят куда более важным делом. Праздник завтра, пенсия, как ни как. Об этом и думал. Вернее, пытался. Понятное дело не для всех, но ему-то что? У них – свои праздники, у него – свой. И дело вовсе не в величине будущего финансового поступления. Какая уж тут величина? Слёзы одни. Кто б другой, так может и прослезился бы, но это у них. Там. Где деньги – это всё, и всё – это деньги. У нас-то пока ещё не совсем так, слава Богу. Не забыли о тебе, да и ладно. Для нас именно это главное, которое куда важней самих денег. Иногда даже и благодарная гордость (витиеватое такое чувство) посещает: «Не забыли! Сто сорок мильёнов граждан, а про Фёдора Иваныча не забыли! Сидит какая-нибудь ссыкуха, – представлял себе Фёдор Иванович, – корпит над своими бумажками, и вскинется вдруг: «А про Фёдора Иваныча не забыли?». Всполошится, аж под мышками мокротень, и давай перебирать чтотамунеё. Найдёт и облегчённо выдохнет: «Не забыли!». И радостно ей станет. И за себя, что не забыла, и за Фёдора Иваныча. Может даже поболее радостно, чем самому Иванычу. А что? И нахлынет волна тёплой благодарности, и родится непривычно ласковое: «Вну-чень -ка!», и даже прослезится слегка.

Сказать, что Фёдор Иванович был сквернословом, значит покривить против правды. В сочных выражениях никогда не стеснялся, это да. Что в мыслях, что вслух. Но не найдётся на свете человека, который мог бы сказать, будто слышал, как он ругался матом. Слесарь-сантехник, а не ругался. Не было такого. Ворона белая в сантехническом цехе. А вот рубануть с плеча, что называется в лоб, считал не просто своим правом, а даже обязанностью, но... после смерти жены. До этого трагического момента безраздельное и неоспоримое право на правду в их семье принадлежало только ей. Почему неоспоримое? Сложилось так. Однажды, находясь в не очень адекватном состоянии по известной всем причине, грохнул кулаком по столу, пытаюсь раз и навсегда решить извечный семейный вопрос «кто в доме хозяин». От такой его наглости супруга онемела. За неё ответила лучшая подруга – скалка. Ответ был настолько быстрым и действенным, что Фёдор Иванович до сих пор не знает, сама ли скалка отвечала, или под непосредственным руководством онемевшей супруги. Бандитка – ни дать, ни взять, но аргументы были неоспоримы. Ошарашенный Фёдор Иванович понял это сразу. С детства понятливый был. Понял и всё встало на свои места. Попробуй не пойми, когда вдруг на тебя озарение снисходит. Но об этом Иваныч вспоминать не любил. «Кто старое помянет, тому глаз – вон!» – гласит народная мудрость, а народ он уважал, потому как был его неотъемлемой частью. А как же? Да и зрением к тому же дорожил.

Вставать не хотелось. Куда спешить, когда тебе за семьдесят? Была б жена, может и встал бы, а так... Померла чего-то вдруг. Болела правда долго, но и это, по мнению Фёдора Иваныча, не причина, чтобы бросать мужа одного. Чего удумала? Вечно со своими выкрутасами. Всю жизнь такая была. И то ей не так, и сё не эдак. «Как и жизнь-то вместе прожили?» – ворчливо думал иногда Иваныч. Думать-то думал, но ответа даже не пытался искать, потому как отвечать на такой сложный вопрос – тоже самое, что копать в поленице с горбылями да пустотами. Не за то возьмёшься, тут же и обвалится всё. Обвалится, а там и правда, не приведи Господь, выглянет, а это уж вовсе ни к чему. Да и кому это надо? Иванычу? Ну, уж нет! Кому-кому, только не ему. Всю жизнь ему в морду этими ответами тыкали. Хватит с него! А вот кто действительно без этого жить не мог, того уже нет, и не предвидится даже в перспективе. Думал и злился: «До чего же эти мысли липучие. Думаешь вроде бы обо одном, а это одно столько всякой дряни за собой тащит, что забывать начинаешь, о чём вообще подумать хотел.»

Поняв, что клубок червей просыпается и постепенно трансформируется в змеиный, Фёдор Иванович потряс головой и решительно отбросил одеяло. Не торопясь, приподнялся и сел. Раньше-то выпрыгивал из постели, как ошпаренный, опасаясь, что жена спросонья может вспомнить о его супружеском долге, потому как с вечера сделал вид, что уже заснул, а теперь нет. Теперь-то чего бояться? Некому

вспоминать, и бояться нечего, хотя этот, непонятно почему родившийся страх, какое-то время преследовал его даже после смерти жены. Почему так происходило, до сих пор чёткого ответа не было. «Странное всё-таки человек создание, – думал Фёдор Иванович. – За других не скажу, а вот я, например. По молодости только и думал, как бы побыстрее в постель к жене запрыгнуть, а потом прямо чемпионом мира по выпрыгиванию стал. Ну, и кто мне скажет почему? И не болел ведь ничем. И слабости никакой не испытывал, а выпрыгивал и всё тут. В народе говорят, что жена, она навряд ли энергетического вампира. Будто энергию из мужа пьёт. Может поэтому? Врут, поди. На выходе-то что получилось? Пила, пила и померла? С перепоя, что ли? Чушь какая-то! А может отравилась и того? А? – вспыхнула тревожная догадка. – А вдруг ядовитый я, она и того...? А? К врачу, что ли, сходить?»

Сказать по правде, у Фёдора Ивановича накопилось великое множество «почему», на которые раньше, за суетой, не обращал внимания, поэтому жизнь его, человека внешне почти одинокого, даже с натяжкой, назвать скучной и однообразной было бы большой несправедливостью. Почему почти? Дети-то были. И сынок, и дочурка. И внуки были. Нет-нет, да и навещают. Не так, чтобы часто, конечно, но уж раз в месяц обязательно. Ну, может и не раз. Но раз в два месяца – как штык. Заглянут на часок-другой, погалдят, намусорят и испарятся. Долг что ли отбывают? А то, не дай Бог,

скажут, что родителя-старика, мол, одного бросили. Народишко-то нынче злой на язык. Чуть что и в какашках весь. Отмывайся потом. Зла на них за такой прохладный формализм по отношению к себе Фёдор Иванович не держал. Чего вдруг? У самих дел невпроворот. Не забывают, да и ладно. Да и он за те пять лет, что прошли со смерти жены, настолько сросся со своими «почему», что стали они ему куда ближе, чем люди. С людьми-то что? Навидался уже, нахлебался, куда больше? Устал от них, а как себя расположить в этой новой для него жизни, не знал. Суетился, тыкался носом туда-сюда, как щенок, да ни к чему так и не приткнулся. Ну, и загрустил. Но грустил недолго. Наведался как-то в свой дровяник, стал разбираться что к чему и завяз. И первое «почему» было связано как раз-таки с недавно ушедшей женой. Стал вспоминать, почему женился именно на ней, а не на Таньке Соколовой. Раньше как-то и не думал об этом вовсе, а тут вспомнил и удивился. С Танькой дружили с пятого класса. Как только перешла к ним из другой школы. С первого дня. Посадили их за одну парту, и с этого пошло и поехало. Никто из них ничего особенного и не делал. И в школу вместе, и обратно. Жили-то в соседних домах. Так и дружили до окончания школы. Как-то само собой получилось, что ждала и дождалась Фёдора из армии, притом, что никакой великой любви между ними не было и в помине. Всё спокойно и даже обыденно. И финал этого коктейля взаимной симпатии и привычки всеми без исключения рассматривался однознач-

но – свадьба. Тоже самое думали и наши герои, но предполагаемый союз неожиданно распался. Распался в одночасье без видимых причин. Договорились пойти в кино, но Танька почему-то не пришла. Это потом он узнал, что её маме стало плохо и вызывали скорую, а тогда рассердился, конечно, и пригласил одноклассницу Юльку, проходившую волей судьбы мимо. Пригласил в кино, а она, видимо в знак признательности, пригласила после сеанса домой. По странному стечению обстоятельств родителей дома не было. По тому же странному стечению у неё вдруг нашлась бутылочка вина, и она, известная во всей округе недотрога, после распития оной, по ещё более странному стечению обстоятельств, оказалась в одной с ним постели (кто бы мог подумать). Фёдке понравилось. В общем, обстоятельства откуда-то выныривали, плодились, и продолжали стекаться и стекаться, и достекались до скоропалительной свадьбы. Танька же, ошарашенная этим противоестественным, по её мнению, течением событий, открыв рот, и, опустив руки, молча и безропотно наблюдала за вывертами жизни, и, само собой, спровоцировала своё счастье. А может и несчастье. Даже ручкой не успела помахать. В общем, растерялась, и так в растерянности и прожила оставшуюся жизнь, съёживаясь от испуга при каждом дуновении судьбы. А Фёдку между тем унесло бурным потоком случайностей, которому он почему-то даже не сопротивлялся. Почему? Он и сам не знал, потому и искал ответа, и это было самое навязчивое «почему». Возникало

вне зависимости от времени суток и места, и тиранически требовало ответа. Совсем как сосед Витька в пьяном беспмятстве, когда требовал денег взаймы, трезвонил и тарабанил в дверь до тех пор, пока Иваныч не сдавался. Сдавался и попадал в плен. А с пленными-то кто церемонится? Вот и фантазии не церемонились. Варианты «а что было бы, если бы...» рождались бесконечным потоком, и он, как блаженный слепец, бродил по этому экзотическому лабиринту, не предполагая, что выход и вход в нём – один и тот же. И сил остановиться не было. Или желания. Скорее желания, потому что, попав в этот волшебный мир, ты имеешь полное право стать и великим учёным, и Аленом Делоном, и любовница у тебя, и тут у неё, и там, и так далее, и тому подобное. И вот как-то приходит Ален Делон прочищать засорившийся унитаз, и встречает его ... , а потом..., а она..., а он... . Аж дух захватывает! А что? Кто запретит-то? Какие же это силы нужны, чтобы отказаться от этого сладостного воображаемого всемогущества, когда ты – повелитель жизни, когда ты решаешь, кого казнить, а кого помиловать? А? У него таких сил не было. А у кого они есть? Между тем фантазии эти бушевали только внутри Фёдора Иваныча. Наружу их не выпускал. Стыдно почему-то было, хотя подозрения о том, что не один он такой фантазёр на этом свете, конечно, тоже имели место. «Все, поди, фантазируют. Скрывают только», – успокаивал себя Фёдор Иванович, и продолжал свои мысленные экзерсисы, время от времени возвращаясь в суету

ту реальности. Увы, но без этого никак.

Вот и сейчас. Освободившись окончательно от сна, встал и, не отходя от кровати, принялся делать утреннюю зарядку. Весьма условную, но обязательную. Два раза присел, столько же раз развёл руки в стороны, помотал башкой туда-сюда, запыхался и успокоился. Хватит. Теперь умываться. Это дело он любил. Долго и усердно чистил зубы, тщательно брился, громко фыркал, смывая с лица пену, и не менее громко ухал, когда капли холодной воды попадали на обнажённый торс. Вытирался, одевался и завтракал. Чаще всего бутерброды с чаем. Иногда позволял себе глазунью. Если не ленился. Завтракал плотно, как, впрочем, и обедал, и, тем более, ужинал. Особенно плотным был ужин. Единственный друг Володька Порошин никак не мог смириться с этим, по его мнению, губительным рационом, и уже не одно десятилетие пытался образумить друга, но все его старания были тщетны. Даже приведённые как-то слова А.В. Суворова «Завтрак съешь сам, обед подели с другом, а ужин отдай врагу» не возымели должного действия. Более того, возмутили Иваныча: «Ты мне байки-то не рассказывай. Я что, не знаю, кто такой Суворов? Чтобы он такое сказал? Да он ни одной битвы не проиграл. А ты... В любом случае, Вовка, он – великий полководец, и, если так и было, как ты говоришь, так это вполне могла быть военная хитрость. А я кто? Простой сантехник. С-а н-т-е-х-н-и-к! Понимаешь? А сантехники никогда своих врагов не кормили! Не было такого! Это я тебе как сантех-

ник говорю. Да и врагов у меня никаких нет. Не с кем делиться! Понятно?». Вовка кивал в знак согласия, но тут же забывал об этом, вновь и вновь возвращаясь к бесполезным увещеваниям. Можно было бы и не упоминать об этом, если бы не парадокс, опровергавший все утверждения друга. К семидесяти годам Иваныч оставался таким же поджарым, как и в двадцать, а поборник строгой диеты давным-давно обзавёлся солидным животом, наличие которого никоим образом не мешало ему долдонить одно и то же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.